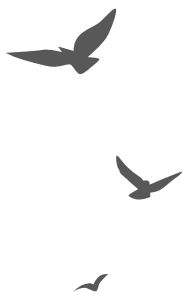

ИВАН ПУТИЛИН

СОРОК ЛЕТ

СРЕДИ ГРАБИТЕЛЕЙ
И УБИЙЦ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
П90

Путилин, Иван Дмитриевич.
П90 Сорок лет среди грабителей и убийц / Иван Пу-
тилин. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-247894-9

Иван Дмитриевич Путилин — первый начальник петербургской сыскной полиции и один из самых известных русских сыщиков XIX века. За более чем тридцать лет службы он раскрыл сотни преступлений, участвовал в сложных розыскных операциях, работал под прикрытием и лично внедрялся в преступную среду. Выйдя в отставку, Путилин записал воспоминания о самых примечательных делах своей карьеры — убийствах, мошенничествах, кражах и аферах, потрясавших Петербург.

Эти мемуары ценны не только как документальная хроника уголовного розыска, но и как живое свидетельство о повседневной жизни столицы Российской империи второй половины XIX века. Издание снабжено подробными постраничными комментариями, которые объясняют устройство полиции, чины, бытовые реалии, цены, названия блюд и напитков, а также другие детали эпохи, необходимые современному читателю.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

© Логинова Я. В. Предисловие, комментарии,
2026

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-247894-9

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

От редактора

Интерес к Ивану Дмитриевичу Путилину в последние годы заметно растёт, и это неудивительно. При жизни он был фигурой почти легендарной: о нём рассказывали анекдоты, его методы обсуждали коллеги, а громкие дела ещё до книжных переизданий успели обрасти слухами и городскими легендами. Путилин (1830–1893) — первый начальник Петербургской сыскной полиции, созданной в 1866 году, человек, который фактически стоял у истоков отечественного уголовного розыска. Современники называли его «русским Лекоком» — по имени знаменитого сыщика из романов Эмиля Габорио. И это было не просто красивое сравнение: за тридцать с лишним лет службы Путилин раскрыл сотни дел, многие из которых и сегодня читаются как готовые детективные сюжеты. О его репутации лучше всего говорит статья А. Ф. Кони — выдающегося юриста, судебного оратора и одного из самых авторитетных современников Путилина, — включенная в это издание отдельным материалом.

Рассказы, собранные в этой книге, написаны от первого лица — как воспоминания, сборник дел, которые сам Путилин считал наиболее показательными или памятными. Здесь не всегда точная хроника: где-то это литературная обработка, где-то — почти стенографическая запись допроса. Но именно эта пограничность

между документом и литературой составляет главное обаяние текста: перед читателем разворачивается не реконструкция эпохи, а ее прямая речь — с обер-полицейстерами и дворниками, с трактирами и притонами, с сыскными агентами, переодетыми оборванцами и языком, на котором городской и беглый каторжник понимают друг друга без перевода.

Тру-крайм в России за последние годы сильно изменился. Долгое время мы, читатели и зрители, жили почти исключительно на западном материале: «Охотник за разумом» Джона Дугласа, книги профайлеров ФБР, бесконечные байопики и документалки про Теда Банди, Джеффри Дамера, Джона Гейси, Зодиака. Именно на этом каноне жанр для нас и сформировался: с переводными бестселлерами, Netflix-сериалами и волной интереса к маньякам конца десятих. Свой криминальный архив — что дореволюционный, что советский — массовой культурой был почти не освоен, оставаясь территорией узкого круга специалистов и энтузиастов, а самая известная шутка жанра — «в Советском Союзе маньяков не было» — отражала это положение дел довольно точно.

В последние годы это соотношение заметно изменилось. Чикатило, Попков, Головкин и другие фигуранты отечественной криминальной хроники получили свои книги и сериалы. Параллельно неожиданное второе рождение пережил старый телевизионный архив: ролики с реакциями блогеров на выпуски «Криминальной России» девяностых набирают миллионы просмотров, а Леонид Каневский, бессменный ведущий «Следствие вели...», внезапно стал героем мемов для зрителей, которые в момент выхода программы еще не родились. У российского тру-крайма появились свои авторы и своя аудитория, и читатель, еще недавно ходивший

щекотать себе нервы почти исключительно к западным маньякам, теперь все чаще делает это на своих.

Одновременно выросло и более широкое любопытство к Российской империи — не только к царям, войнам и придворной хронике, а к повседневной жизни: быту, институтам, профессиям, языку, городским привычкам. И тут воспоминания Путилина оказываются почти идеальным текстом: в них есть и детективный сюжет, и настоящая криминальная хроника, и плотная бытовая ткань эпохи. Петербург здесь виден не с парадного фасада, а с черного хода: через ночлежки, лавки, полицейские участки, трактиры, подозрительные квартиры и типажи людей, редко попадающие в школьный курс истории.

Этой книгой открывается новая серия — «*Тру-крайм Российской империи*». В ее рамках мы планируем знакомить читателя с малоизвестным сегодня пластом отечественной литературы о криминальной хронике дореволюционной России: мемуарами сыщиков, судебными очерками, журналистскими расследованиями своего времени. (Кстати, само слово «тру-крайм» — хороший знак того, насколько жанр у нас прижился: еще несколько лет назад мы писали *true crime* латиницей, как любой иностранный термин, а сейчас рука сама тянется дать его кириллицей и без пояснений, как любое другое обрусевшее слово.) Надеемся, что эта сторона жизни Российской империи найдет своего читателя так же, как нашли его в последние годы и другие непарадные сюжеты из нашего прошлого.

Особенность настоящего издания — справочная статья и постраничные сноски, которыми снабжен текст. Дореволюционная повседневность полна деталей быта, профессий, мер, одежды и денежного обращения, давно вышедших из обихода и не всегда понятных

нам без пояснений: что такое косушка или пеклеваник, чем отличался околоточный надзиратель от квартального и почему беглый солдат больше боялся не суда, а шпицрутенов. Эти дополнения не претендуют на исчерпывающий историко-юридический комментарий. Их задача — снять языковой барьер там, где он мешает чтению, и оставить сюжет, интонацию и атмосферу текста в неприкосновенности.

*Логинова Яна,
ведущий редактор издательства «Эксмо»*

Вместо предисловия

Иван Дмитриевич Путилин

Начальник петербургской сыскной полиции Иван Дмитриевич Путилин был одной из тех даровитых личностей, которых умел искусно выбирать и не менее искусно держать в руках старый петербургский градоначальник Ф. Ф. Трепов. Прошлая деятельность Путилина, до поступления его в состав сыскной полиции, была, чего он сам не скрывал, зачастую весьма рискованной в смысле законности и строгой морали; после ухода Трепова из градоначальников отсутствие надлежащего надзора со стороны Путилина за действиями некоторых из подчиненных вызвало большие на него нарекания. Но в то время, о котором я говорю (1871–1875), Путилин не распускал ни себя, ни своих сотрудников и работал над своим любимым делом с несомненным желанием оказывать действительную помощь трудным задачам следственной части. Этому, конечно, способствовало в значительной степени и влияние таких людей, как, например, Сергей Филиппович Христианович, занимавший должность правителя канцелярии градоначальника. Отлично образованный, неподкупно честный, прекрасный юрист и большой знаток народного быта и литературы, близкий друг

И. Ф. Горбунова¹, Христианович был по личному опыту знаком с условиями и приемами производства следствий. Его указания не могли пройти бесследно для Путилина. В качестве опытного пристава следственных дел Христианович призывался для совещания в комиссию по составлению Судебных уставов. Этим уставам служил он как правитель канцелярии градоначальника, действуя — при пересечении двух путей: административного усмотрения и судебной независимости — как добросовестный, чуткий и опытный стрелочник, устраняя искусной рукой, с тактом и достоинством, неизбежные разногласия, могшие перейти в резкие столкновения, вредные для роста и развития нашего молодого, нового суда. На службе этим же уставам, в качестве члена Петербургской судебной палаты, окончил он свою не шумную и не блестящую, но истинно полезную жизнь. Близкое знакомство с таким человеком и косвенная от него служебная зависимость не могли не удерживать Путилина в строгих рамках служебного долга и нравственного приличия.

По природе своей Путилин был чрезвычайно даровит и как бы создан для своей должности. Необыкновенно тонкое внимание и чрезвычайная наблюдательность, в которой было какое-то особое чутье, заставлявшее его вглядываться в то, мимо чего все проходили безучастно, соединялись в нем со спокойной сдержанностью, большим юмором и своеобразным лукавым добродушием. Умное лицо, обрамленное длинными густыми бакенбардами, проницательные карие

¹ Иван Федорович Горбунов (1831–1895) — русский прозаик, мемуарист, актер. Мастер исполнения устных рассказов.

глаза, мягкие манеры и малороссийский выговор были характерными наружными признаками Путилина. Он умел отлично рассказывать и еще лучше вызывать других на разговор и писал недурно и складно, хотя место и степень его образования были, по выражению И. Ф. Горбунова, «покрыты мраком неизвестности». К этому присоединялась крайняя находчивость в затруднительных случаях, причем про него можно было сказать, *qu'il connaissait son monde*¹, как говорят французы. По делу о жестоком убийстве для ограбления купца Бояринова и служившего у него мальчика он разыскал по самым почти неуловимым признакам заподозренного им мещанина Богрова, который, казалось, доказал свое *alibi* (инобытность) и с самоуверенной усмешечкой согласился поехать с Путилиным к себе домой, откуда все было им уже тщательно припрятано. Сидя на извозчике и мирно беседуя, Путилин внезапно сказал: «А ведь мальчишка-то жив!» «Неужто жив?» — не отдавая себе отчета, воскликнул Богров, утверждавший, что никакого Бояринова знать не знает, — и сознался...

В Петербурге в первой половине семидесятых годов не было ни одного большого и сложного уголовного дела, в розыск по которому Путилин не вложил бы своего труда. Мне наглядно пришлось ознакомиться с его удивительными способностями для исследования преступлений в январе 1873 года, когда в Александроневской лавре было обнаружено убийство иеромонаха Иллариона. Илларион жил в двух комнатах отведенной ему кельи монастыря, вел замкнутое существование и лишь изредка принимал у себя певчих и поил их чаем. Когда дверь его кельи, откуда он не выходил два дня, была открыта, то вошедшим представилось ужас-

¹ Что он знал свой мир (*фр.*).

ное зрелище. Илларион лежал мертвый в огромной луже запекшейся крови, натекавшей из множества ран, нанесенных ему ножом. Его руки и лицо носили следы борьбы и порезов, а длинная седая борода, за которую его, очевидно, хватал убийца, нанося свои удары, была почти вся вырвана, и спутанные, обрызганные кровью клочья ее валялись на полу в обеих комнатах. На столе стоял самовар и стакан с остатками недопитого чая. Из комода была похищена сумка с золотой монетой (отец Илларион плывал за границей на судах в качестве иеромонаха). Убийца искал деньги между бельем и тщательно его пересмотрел, но, дойдя до газетной бумаги, которой обыкновенно покрывается дно ящиков в комодах, ее не приподнял, а под ней-то и лежали процентные бумаги на большую сумму. На столе у входа стоял медный подсвечник, в виде довольно глубокой чашки с невысоким помещением для свечи по середине, причем от сгоревшей свечи остались одни следы, а сама чашка была почти на уровень с краями наполнена кровью, ровно застывшей без всяких следов брызг.

Судебные власти прибыли на место как раз в то время, когда в соборе совершалась торжественная панихида по Сперанскому¹ — в столетие со дня его рождения. На ней присутствовали государь и весь официальный Петербург. Покуда в соборе пели чудные слова заупокойных молитв, в двух шагах от него, в освещенной зимним солнцем келье, происходило вскрытие трупа

¹ Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) — русский общественный и государственный деятель, реформатор, законотворец. Выходец из духовного сословия, сын священника, благодаря своим способностям и трудолюбию привлек внимание императора Александра I и, заслужив его доверие, возглавил его реформаторскую деятельность.

несчастливого старика. Состояние пищи в желудке дало возможность определить, что покойный был убит два дня назад вечером. По весьма вероятным предположениям, убийство было совершено кем-нибудь из послушников, которого старик пригласил пить чай. Но кто мог быть этот послушник, выяснить было невозможно, так как оказалось, что в монастыре временно проживали, без всякой прописки, послушники других монастырей, причем они уходили совсем из лавры, в которой проживал сам митрополит, не только никому не сказавшись, но даже, по большей части, проводили ночи в городе, перелезая в одном специально приспособленном месте через ограду святой обители.

Во время составления протокола осмотра трупа приехал Путилин. Следователь сообщил ему о затруднении найти обвиняемого. Он стал тихонько ходить по комнатам, посматривая туда и сюда, а затем, задумавшись, стал у окна, слегка барабанив пальцами по стеклу. «Я пошлю, — сказал он мне затем вполголоса, — агентов (он выговаривал «ахентов») по пригородным железным дорогам. Убийца, вероятно, кутит где-нибудь в трактире, около станции». «Но как же они узнают убийцу?» — спросил я. «Он ранен в кисть правой руки», — уверенно сказал Путилин. «Это почему?» — «Видите этот подсвечник? На нем очень много крови, и она натекла не брызгами, а ровной струей. Поэтому это не кровь убитого, да и натекла она после убийства. Ведь нельзя предположить, чтобы напавший резал старика со свечкой в руках: его руки были заняты — в одной был нож, а другою, как видно, он хватал старика за бороду». — «Ну, хорошо. Но почему же он ранен в правую руку?» — «А вот почему. Пожалуйста сюда к комоду. Видите, убийца тщательно перерыл все белье, отыскивая между ним спрятанные деньги. Вот, например, дюжина полотенец. Он внима-

тельно переворачивал каждое, как перелистывают страницы книги, и видите — на каждом свернутом полотенце снизу — пятно крови. Это правая рука, а не левая: при перевертывании левой рукой пятна были бы сверху...»

Поздно вечером, в тот же день, мне дали знать, что убийца арестован в трактире на станции Любань. Он оказался раненным в ладонь правой руки и расплачивался золотом.

Доставленный к следователю, он сознался в убийстве и был затем осужден присяжными заседателями, но до отправления в Сибирь сошел с ума. Ему, несчастному, в неистовом бреду все казалось, что к нему лезет о. Илларион, угрожая и проклиная...

Путилин был очень возбужден и горд успехом своей находчивости. У судебного следователя, в моем присутствии, пустился он с увлечением в рассказы о своем прошлом. Вот что, приблизительно, как записано в моем дневнике, он нам рассказал тогда.

«Настоящее дело заурядное, да теперь хороших дел и не бывает; так все — дрянцо какое-то. И преступники настоящие перевелись — ничего нет лестного их ловить. Убьет и сейчас же сознается. Да и воров настоящих нет. Прежде, бывало, за вором следишь да за жизнь свою опасешься: он хоть только и вор, а потачки не даст! Прежде вор был видный во всех статьях, а теперь что? — жалкий, плюгавый!

Ваш суд его осудит, и он отсидит свое, — ну, затем вышлют его на родину, а он опять возвращается. Они ведь себя сами «Спиридонами-поворотами» называют. Мои агенты на железной дороге его узнают, задержат да и приведут ко мне: голодный, холодный, весь трясется — посмотреть не на что».

Говоришь ему: «Ты ведь, братец, вор». — «Что ж, Иван Дмитриевич, греха нечего таить — вор». — «Так

тебя следует выслать». — «Помилуйте, Иван Дмитриевич!» — «Ну какой ты вор?! Вор должен быть из себя видный, рослый, одет по-почтенному, а ты? Ну посмотри на себя в зеркало — ну какой ты вор? Так, мразь одна». — «Что ж, Иван Дмитриевич, Бог счастья не дает. Уж не высылайте, сделайте божескую милость, позвольте покормиться». — «Ну хорошо, неделю погуляй, покормись, а через неделю, коли не попадешься до тех пор, вышло: тебе здесь действовать никак невозможно...» То ли дело было прежде, в сороковых да пятидесятых годах. Тогда над Апраксиным рынком был частный пристав Шерстобитов — человек известный, ума необыкновенного. Сидит, бывало, в штофном халате, на гитаре играет романсы, а канарейка в клетке так и заливается.

Я же был у него помощником, и каких дел не делал, даже вспомнить весело! Раз зовет он меня к себе да и говорит: «Иван Дмитриевич, нам с тобою, должно быть, Сибири не миновать!» «Зачем, — говорю, — Сибирь?» «А затем, — говорит, — что у французского посла, герцога Монтебелло, сервиз серебряный пропал и государь император Николай Павлович приказал обер-полицмейстеру Галахову, чтобы был сервиз найден. А Галахов мне да тебе велел найти во что бы то ни стало, а то, говорит, я вас обоих упеку куда Макар телят не гонял». «Что ж, — говорю, — Макаром загодя стращать, попробуем, может, и найдем». Перебрали мы всех воров — нет, никто не крал! Они и промеж себя целый сыск произвели лучше нашего. Говорят: «Иван Дмитриевич, ведь мы знаем, какое это дело, но вот образ со стены готовы снять — не крали этого сервиза!» Что ты будешь делать? Побились мы с Шерстобитовым, побились, собрали денег, сложились да и заказали у Сазикова новый сервиз по тем образцам и рисункам, что у французов остались. Когда сервиз был готов, его

сейчас в пожарную команду, сервиз-то... чтобы его там губами ободрали: пусть имеет вид как бы был в употреблении. Представили мы сервиз французам и ждем себе награды. Только вдруг зовет меня Шерстобитов. «Ну, — говорит, — Иван Дмитриевич, теперь уж в Сибирь все-непременно». «Как, — говорю, — за что?» «А за то, что звал меня сегодня Галахов и ногами топал и скверными словами ругался. «Вы, — говорит, — с Путилиным плуты, ну и плутуйте, а меня не подводите.

Вчера на балу во дворце государь спрашивает Монтебелло: «Довольны ли вы моей полицией?» «Очень, — отвечает, — ваше величество, доволен: полиция эта беспримерная. Утром она доставила мне найденный ею украденный у меня сервиз, а накануне поздно вечером камердинер мой сознался, что этот же самый сервиз заложил одному иностранцу, который этим негласно промышляет, и расписку его мне представил, так что у меня теперь будет два сервиза». Вот тебе, Иван Дмитриевич, и Сибирь!» «Ну, — говорю, — зачем Сибирь, а только дело скверное». Поиграл он на гитаре, послушали мы оба канарейку да и решили действовать. Послали узнать, что делает посол. Оказывается, уезжает с наследником-цесаревичем на охоту. Сейчас же к купцу знакомому в Апраксин, который ливреи шил на посольство и всю ихнюю челядь знал. «Ты, мил-человек, когда именинник?» — «Через полгода». — «А можешь ты именины справить через два дня и всю прислугу из французского посольства пригласить, а угощение будет от нас?» Ну, известно, свои люди, согласился. И такой-то мы у него бал задали, что небу жарко стало. Под утро всех развозить пришлось по домам: французы-то совсем очумели, к себе домой-то попасть никак не могут, только мычат. Вы только, господа, пожалуйста, не подумайте, что в вине был дурман или другое какое снадобье. Нет,

вино было настоящее, а только французы слабый народ: крепкое-то на них и действует.

Ну-с, а часа в три ночи пришел Яша-вор. Вот человек-то был! Душа! Сердце золотое, незлобивый, услужливый, а уж насчет ловкости, так я другого такого не видывал.

В остроге сидел бессменно, а от нас доверием пользовался в полной мере. Не теперешним вора чета был. Царство ему небесное! Пришел и мешок принес: вот, говорит, извольте сосчитать, кажись, все. Стали мы с Шерстобитовым считать: две ложки с вензелями лишних. «Это, — говорим, — зачем же, Яша? Зачем ты лишнее брал?» «Не утерпел», — говорит... На другой день поехал Шерстобитов к Галахову и говорит: «Помилуйте, ваше высокопревосходительство, никаких двух сервизов и не бывало. Как был один, так и есть, а французы народ ведь легкомысленный, им верить никак невозможно». А на следующий день затем вернулся и посол с охоты. Видит — сервиз один, а прислуга вся с перепоя зеленая да вместо дверей в косяк головой тычется. Он махнул рукой да об этом деле и замолк».

«Иван Дмитриевич, — сказал я, выслушав этот рассказ, — а не находите вы, что о таких похождениях, может быть, было бы удобнее умалчивать? Иной ведь может подумать, что вы и до сих пор действуете по-шерстобитовски...» «Э-э-эх! Не те времена, и не такое мое положение, — отвечал он. — Знаю я, что похождения мои с Шерстобитовым не совсем-то удобны, да ведь давность прошла, и не одна, а, пожалуй, целых три. Ведь и Яши-то вора — царство ему небесное! — лет двадцать как в живых уж нет».

Анатолий Федорович Кони

Несколько слов для ориентировки

Чтобы не дробить внимание читателя на постраничные сноски там, где речь идет не об отдельном слове, а о целой системе понятий, мы собрали здесь несколько кратких справок — о деньгах, мерах и чинах, упоминаемых в этой книге. Их можно прочесть сразу, а можно пропустить и обращаться к ним по ходу чтения.

О деньгах

Денежная система дореволюционной России была устроена просто: рубль, как и сейчас, состоял из ста копеек, а основными монетами и купюрами в обиходе были пятак, гривенник (10 копеек), полтина (50 копеек) и рубль, далее — трех-, пяти-, десяти- и двадцатипятирублевые ассигнации; «красненькой» в просторечии называли десятирублевую купюру по цвету (она и в самом деле была красной), а «синенькой» — пятирублевую.

Бумажные деньги, упоминаемые в книге как *кредитные билеты* или *кредитные бумажки*, появились после денежной реформы 1843 года, заменив прежние, обесценившиеся ассигнации: новые билеты были обеспечены серебром и считались надежной, устойчивой валютой — собственно, бумажными деньгами в совре-

менном смысле слова, в отличие от хождения старых ассигнаций, чей курс мог скакать непредсказуемо.

Немного о покупательной способности упомянутых в тексте сумм: чернорабочий или прислуга в Петербурге второй половины XIX века могли получать порядка 3–15 рублей в месяц, квалифицированный фабричный рабочий — 25–35 рублей, мелкий чиновник или городской — 15–25 рублей. Дальше шкала росла быстро: жалование среднего чиновника измерялось уже десятками рублей в месяц, а высокого чиновника, управляющего или офицера в чине — несколькими сотнями рублей в год. Соответственно, копейки и гривенники в этой книге — мелочь на чай, выпивку, извозчика; рубль-два — день или несколько дней заработка простого человека; а суммы в 50–100 рублей и выше — уже заметный, очень нескромный доход, ради которого совершались и кражи, и убийства, описанные в этих рассказах.

О мерах длины

Дореволюционная система мер была построена на бытовых ориентирах — шаге, ладони, размахе рук, — поэтому соотношения между единицами не всегда круглые.

Верста — 1066,8 м, чуть больше километра; основная единица для измерения расстояний между населенными пунктами («в трех верстах от Петербурга»).

Сажень — 2,13 м, около трех шагов взрослого человека; использовалась для измерения построек, расстояний внутри двора или сада, глубины.

Аршин — 71 см, примерно длина руки от плеча до кончиков пальцев; основная мера длины тканей, одежды и небольших расстояний.

Вершок — 4,4 см, ширина двух сложенных пальцев. Рост человека по старой традиции считали не целиком в каких-то единицах, а особым способом: брали два

аршина за базовую величину (рост среднего человека) и добавляли к ним вершки сверху. Поэтому встречающееся в тексте «двенадцативершкового роста» означает не двенадцать вершков целиком, а человека на двенадцать вершков *выше* этой базовой меры — то есть очень высокого, почти двухметрового мужчину.

О чинах и должностях полиции

Полицейская система дореформенной и пореформенной России была многоступенчатой, и в книге встречаются почти все ее звенья.

На самом нижнем уровне служили *городовые* — постовые чины, отвечавшие за порядок на конкретной улице или площади, и *хожалые* — должность более раннего происхождения, фактически выполнявшая ту же функцию рассыльного-исполнителя при участке.

Над ними стоял *околоточный надзиратель* — чин, появившийся позже остальных (с 1860–1880-х годов) и заведовавший небольшим участком, «околотком», внутри квартала; в его обязанности входил текущий надзор и охрана порядка, а не следствие.

Квартальный надзиратель, а позже — *полицейский надзиратель*, отвечал уже за целый квартал города и, в отличие от околоточного, вел розыскные и следственные действия. Именно эту должность Путилин занимал в начале своей карьеры, до учреждения сыскной полиции.

На уровень выше находился *пристав* — фигура, которая в зависимости от типа дел могла называться по-разному: *пристав следственных дел* вел уголовное следствие на своем участке, *становой пристав* отвечал за порядок и следствие в стане — административной единице уезда, вне городов.

Рядом с полицейской иерархией существовала смежная судебная: после реформы 1864 года в делах участ-